

Обращаясь к живым традициям Гюго и Бальзака, Стендаля и Золя, Бордьё напоминает, что их творчеству никогда не мешал жгучий интерес к современности и политике, к жизни и борьбе народа.

Рассматривая течения модернистского романа, представленные сюрреализмом, экзистенциализмом и школой «новых романистов», Бордьё вскрывает причины их социальной беспомощности. Писатели, даже одаренные, которые связали свою творческую судьбу с этими литературными школами, по большей части уходили в игру чистого воображения, в глубины «несчастливого сознания», в создание замкнутых словесных структур. Рисовать настоящую жизнь, бури истории и политики они считали недостойным делом для подлинного художника. И не потому ли они лишались главного — внимания к своим книгам со стороны народа. Бордьё цитирует знаменитую фразу Виктора Гюго: «Освобожденный народ — хорошая концовка строфы».

В сущности, статья Бордьё призывает писателей взглянуть в лицо современности, создавать произведения, из которых читатели узнают о наиболее болезненных проблемах действительности, о своих радостях и горестях, мечтах и надеждах, борьбе и труде.

Творчество самого Роже Бордьё проникнуто глубоким интересом к политике. «В настоящий момент, момент острой идеологической борьбы, — сказал писатель в интервью нашему журналу, — политический роман просто необходим». Романический цикл Роже Бордьё «Демонстрация»<sup>1</sup> и «Завтра лето», представляющий собой, по словам А. Вюрмсера, «политическую поэму», с большой лирической выразительностью рисует освободительную борьбу народных масс. Особенно ярко Роже Бордьё изображает процесс политического воспитания народа, захваченного протестом против всемогущества денег, власти монополий, бесчеловечных стандартов буржуазного образа жизни. Многие представители широких демократических масс еще не доросли до последовательной борьбы с миром капитала, но их стихийная жажда социальной справедливости обещает принести плоды в будущем. И понятно, что в своей статье Роже Бордьё называет прежде всего имена современных, в основном молодых, писателей, чьи книги обращены к политической реальности нашей эпохи. Не все можно принять в этих романах, с присущим им наивным революционаризмом, но искренность творческих поисков этих писателей, их стремление создать истинно социальный роман современности не вызывает сомнений.

Роже Бордьё убежден, что только на этом пути французский роман добивался самых замечательных достижений. Писатель не называет нам имена своих коллег, для творчества которых характерна эта тенденция, потому что ему известно: советские читатели хорошо знакомы с книгами Эрве Базена и Армана Лану, Робера Мерля и Жан-Пьера Шаброля, Андре Стиля и Бернара Клавеля, где так явственно звучит нота глубочайшего интереса к самым острым проблемам наших дней.

**В** опрос о современном состоянии французского романа и о том, какое место в нем занимает политика, нельзя рассматривать, не учитывая множества исторических и социальных моментов, которые хотя и весьма стары, но сохраняют свою значимость до сих пор.

При этом важно не забывать, что буржуазное общество во Франции издавна и не без успеха ведет двойную игру, культивируя крайние, полярно противоположные образы писателя: с одной стороны, «проклятый поэт», с другой — почтенный академик. Писателю всеми средствами стремятся внушить отвращение к политическим и социальным проблемам, ограничить его внимание дотошным изучением чисто технических приемов письма, их совершенствованием.

И раньше интерес литератора к действительности наталкивался на крепостную стену эстетизма, теории которого, разу-

меется, не признавались, что в конечном счете их цель — отвлечь писателя от политики. Анализируя художественное произведение, особенно роман, многие французские критики почти не придавали значения его политическому и идейному содержанию. В последнее время положение несколько изменилось. Но по-прежнему злободневность, актуальность произведения у ряда критиков вызывает беспокойство: скандальность, особенно роман, многие французские критики почти не придавали значения его политическому и идейному содержанию. В последнее время положение несколько изменилось. Но по-прежнему злободневность, актуальность произведения у ряда критиков вызывает беспокойство: скандальность, особенно роман, многие французские критики почти не придавали значения его политическому и идейному содержанию. В последнее время положение несколько изменилось. Но по-прежнему злободневность, актуальность произведения у ряда критиков вызывает беспокойство: скандальность, особенно роман, многие французские критики почти не придавали значения его политическому и идейному содержанию.

Возникшая после революции волна романтизма дала миру гигантов во главе с Виктором Гюго. Благодаря ему в повествование вторгся народ, словно обретя право гражданства в ранее недоступной для него сфере, сохранив при этом — что самое главное — свое подлинное лицо. В «Отвер-

<sup>1</sup> О романах «Демонстрация» и «Завтра лето» «Иностранная литература» писала в № 10 за 1977 г. и в № 4 за 1978 г.

женных», «Тружениках моря», не говоря о «Клоде Ге» и других его важнейших произведениях, Гюго рисует панораму народной жизни, выводя на ее фоне героев из народа, раскрывая их роль в обществе, их внутренний мир. Именно тогда была поставлена проблема гражданского и политического выбора автора, и отнюдь не в ущерб художественности произведения. Гюго стремится, как говорится, «жечь свечу с двух концов». Он решительно формулирует свое кредо: «Прекрасное не страдает, служа полезному; а книга — способствуя просвещению народных масс». «Освобожденный народ, — заключает он свою мысль, — прекрасная концовка строфы». Как видим, призыв к политической ангажированности выражен у Гюго очень ясно.

Политические пристрастия Бальзака были противоположны позиции Гюго. Бальзак, порой отличавшийся крайне реакционными политическими взглядами, был одержим мыслью пробудить в аристократах и собственниках то чувство долга, которое они, с его точки зрения, утратили. Однако это не мешало ему с непревзойденной проникательностью различать пороки общества той эпохи, наблюдая его критическим и аналитическим взглядом безжалостного анатома. Поэтому в созданной им картине буржуазного общества, с течением времени и при более углубленном изучении бальзаковского творчества, четко раскрывается политическое содержание. Сегодня мы лучше понимаем все, что хотел выразить или невольно выразил в своих произведениях писатель.

Бальзак доказывает, что психология человека обусловлена его социальной принадлежностью и в буржуазном обществе погоня за прибылью одерживает верх над гуманизмом. Вот почему исследователи конформистского толка, анализируя творчество Бальзака, стараются не замечать в нем того, что им невыгодно, и пользуются застывшими и удобными для буржуазной критики клише. Столкнувшись с каким-либо слишком упрямым фактом буржуазной действительности, такие критики предпочитают отделяться фразой: «Вель это совсем по-бальзаковски». И сразу же вспоминают целый набор лубочных характеров из провинциальной жизни с неизменным перечнем уже готовых определений вроде «скупой, лицемерный, жадный». В подобных случаях обыгрываются абстрактные моральные ценности, персонифицированные позиции, различные ситуации, но поведение персонажей анализируется в полном отрыве от их социальных корней.

Аналогичный принцип ловко применяли по отношению к Стендалю, намеренно игнорируя социальную основу его романов, отличавшихся еще более тонким и тщательным, чем у Бальзака, анализом характеров. И вновь эти исследователи делали вид, что не замечают очевидного, не желая переступить культурные и классовые предрассудки, хотя, кстати, первые являются лишь отражением вторых.

Решающий сдвиг обозначился с возникновением натурализма, возглавленного Золя. В «Жерминале» рабочий класс как таковой, как социальная группа впервые оказался вовлеченным в романтическое действие. Это стало подлинным переворотом в литературе, причем не только Франции. И на сей раз критика поспешила высказаться по поводу проблемы «писатель и политика». Идеиное содержание полностью отделялось от его художественных качеств. В таком случае дается лишь «объективистский» анализ литературных достоинств романа. Итак, со времен «Жерминаля», едва лишь политика начинает играть в романе ключевую роль, в ход немедленно пускается уже хорошо отработанный методология, причем зачастую это делается совсем без умысла, а почти механически — под давлением своего рода бюрократической рутины. Однако в вопрос этот необходимо внести ясность: социально-политическое содержание романа, понимаемое как свойство жанра (почему бы и нет, если существуют психологическое, лингвистическое, эзотерическое и прочие измерения романа), признается лишь в тех случаях, когда выражается явно консервативная позиция, но открыто отбрасывается, когда слишком четко выражаются прогрессивные взгляды.

Вернемся к примеру Золя. Чаще всего Золя упрекают в том, что существование его героев вписано в жизнь толпы, которая обрисована в ее социальной значимости и революционной цельности. Золя обвиняют и за соотносительность действия романа «Жерминаль» с реальными событиями его эпохи, за то, что человека физического труда писатель не рассматривает как индивидуальность, а показывает что его поведение определяется психологией коллектива. Вместе с тем очевидно, что такой подход был подлинно новаторским.

Мы знаем, что критика того времени, являвшаяся резонатором буржуазной идеологии, обрушила на писателя самые грубые нападки. Именно тогда возник псевдокритический метод, который, не слишком утрируя, можно сформулировать следующим образом: если в романе писатель сосредоточивает основное внимание на жизни трудящихся — особенно людей физического труда, — неизбежно обращаясь к классовой борьбе и политическим проблемам, то в ход мгновенно пускается система оценок, которая, как бы по само собой разумеющейся логике, относит эти произведения к литературе низшего сорта. Высокомерная критическая цензура снисходительно «замечала» эти произведения, но неизменно считала их художественно слабыми. То есть в области художественного творчества осуществляла тот же принцип сегрегации, который действует в капиталистическом обществе во взаимоотношениях между людьми. Однако об этом избегают говорить открыто и громко отстаивают «чистоту» и независимость критического суждения. В таких условиях многие писатели, за редким исключением, проявляют

определенное недоверие к социально-политической проблематике.

Затем в литературе восторжествовала философия абстрактного гуманизма; этот период отмечен многими талантливыми произведениями, но они, как правило, лишены политической остроты.

Многие романисты вслед за поэтами увлеклись эстетизмом, его приверженцы прокламировали «чистое искусство», доступное лишь избранным знатокам. Сюрреализм, занятый поисками необычных средств выражения, породил произведения, содержащие элементы протеста; но их авторам было скорее свойственно стремление поразить оригинальностью, найти особый, «поэтический» язык, нежели забота о судьбе жанра. Сюрреализм, безусловно, способствовал обновлению литературных средств и приемов, но очень скоро замкнулся в себе самом, судорожно цепляясь за свои эстетические позиции. Хотя все это не помешало столь значительному писателю, как Арагон, одному из основателей сюрреализма, написать в 30-х годах во многих отношениях замечательные социальные романы «Богатые кварталы» и «Базельские колокола».

После второй мировой войны, когда возник экзистенциализм (одним из столпов которого был Сартр) и выдвинул свое понимание «ангажированности», идеи, развитие которых мне хочется проследить в своей статье, вновь, казалось, — по крайней мере на время — обрели силу и оригинальное художественное воплощение в ряде случаев. Но по сути экзистенциализм оказался движением, лишенным перспективы, в основном оно свелось к чисто философской тематике.

И, наконец, литературная школа, которую весьма неверно называли «новым романом» (ибо — уже теперь! — он выглядит таким устаревшим), занималась лишь стилистикой и композицией произведения. «Новый роман» любовался собственным отражением в зеркале.

Как же обстоит дело в наши дни? Вначале я уже упоминал, что во Франции отдельные критики вновь обнаруживают интерес, хотя и слабый, к социально-политической проблематике. Выводы делать еще рано, но в самом жанре происходят любопытные явления. Здесь можно условно выделить несколько тенденций, истоки которых — в великой традиции французского романа.

Каковы же эти тенденции? Для одного типа романов характерен переход от документального свидетельства к художественному произведению. Герои таких романов, как правило, романтические личности с привлекательными чертами характера и необычным жизненным опытом. Вымысел в этих книгах сильно окрашен экзотикой, вместе с тем он представляет собой вид кальки с личных воспоминаний или результат социологического опроса. Легко заметить, что писатель, как бы прямо перенося

действительность в роман, меньше внимания уделяет показу коллектива, а больше — всемогуществу героя. Главный герой, хотя внешне и осовременивается, однако его характер строится по старой метафизической схеме, в которой преобладает интерес к личной судьбе героя, а не к Истории. Герой, конечно, может смешаться с массами, участвовать в их борьбе, но каковы бы ни были в отдельном случае его намерения, он никогда не поддерживает с ними подлинного диалога. И эта своего рода отчужденность героя от народа сильно заметна в подобных романах.

Для другого типа романа определяющим является изображение героя, «меняющего кожу». Здесь мы встречаемся с типично французским характером молодого буржуа, который покидает свою среду, свой класс и переходит на сторону трудящихся. Однако развитие героя показывается не сквозь призму социально-политической ситуации.

Писатели фиксируют свое внимание прежде всего на склонности такого бунтаря к романтическим мечтаньям, и потому трудно говорить о его переходе к сознательной борьбе. Мы сталкиваемся, так сказать, с традицией «мая 68 года», хотя и не только с ней.

Можно вспомнить, что еще со времен романтизма во французском романе стихийную революционность истолковывали по-разному, и последующая модификация этого явления верно отражает — в соответствии с эпохами — различия в позициях героев. Независимо от этой тенденции — или, точнее, вне ее — перестройка героя, молодого буржуа, происходит в современном романе быстрее. Герой агрессивнее, а его «метаморфозы» раскрываются автором с помощью раскованного, арготического языка. И вместо тяжеловесного порой разъяснения встающих в совокупности проблем писатели теперь своими произведениями бросают в лицо обществу вызов. Ведь нельзя забывать, что за последние двадцать лет образ жизни французской буржуазии тоже значительно изменился.

Третья группа романов посвящена проблемам движения за социальное равенство. В принципе именно эти проблемы являются самыми актуальными и плодотворными для развития романа, но их авторы приходят к неточным выводам. Еще очень часто случается так, что документальное содержание преобладает над собственно художественным вымыслом. Мы, писатели, должны уделять больше внимания всему, что связано со специфическими для второй половины XX века проблемами: положением женщины, борьбой в защиту самых обездоленных и немущих, в том числе рабочих-иммигрантов, в защиту гражданских прав. Эти и многие другие вопросы борьбы за социальное освобождение должны вобрать в себя современный французский роман.

---

РОЖЕ БОРДЬЕ  
ПОЛИТИКА И ФРАНЦУЗСКИЙ РОМАН

События, личность, массы — вот, думается, что должно служить основой современного романа. Именно здесь лежат пути к дальнейшему обогащению форм романического повествования; глубокое освоение этого материала дает возможность полифонического осмысления действительности, а не показа случайных, однозначных ситуаций. И тогда на смену герою-одиночке придет герой, связанный всеми своими помыслами и делами с интересами масс. Жизнь, которую у нас во Франции больше изучают социологи, породит подлинно современный социальный роман, где займет свое место как политическая реальность, так и поэтическое вдохновение. Без сомнения, этот новейший, пока еще далеко не часто встречающийся тип романов больше всего отпугивает многих критиков. Не так-то просто преодолевать старые предубеждения.

Время покажет, какие пути изберет французский роман. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать: политика возвращается в литературу.

Обращение к политическим сюжетам, конкретным политическим и идеологическим проблемам особенно заметно в таких произведениях последних двух лет, как «Обличитель» и «Зверь» Рене-Виктора Пильса, «Снег жжет» Режи Дебре, «Шкаф» Пьера Буржада, «Путешествие» Эдуара Маттэи. С другой стороны — и это явление знаменательно, — вызывают читательский интерес не только политические раздумья современных романистов, но и творчество, например, Поля Низана (конец 30-х годов) или Пьера Куртада (60-е годы), чей роман «Красная площадь» недавно переиздан. Что не ускользнуло от внимания прессы, заговорившей о «массовости» этого явления. Пресса, конечно, слегка преувеличивает. Суть же в том, что нужно внимательно следить за тенденцией развития. Окончательное суждение об этих проблемах выносить еще рано. Однако настала пора заявить: современный французский роман обретает новое дыхание.

## К 150-летию со дня рождения Льва Толстого



ЯН ДОСТАЛ. Чехословакия.  
Иллюстрация к повести  
«Смерть Ивана Ильича»